

ПРОВЕДЕНИЕ СЕЛЬХОЗНАЛОГОВОЙ КАМПАНИИ 1924/25 ГОДА В ЧУВАШСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ

© 2011 Е.В. Касимов

Чувашский государственный педагогический университет, г. Чебоксары

Поступила в редакцию 09.11.2010

В статье анализируется, какое влияние на ход налоговой кампании 1924/25 года оказали переход к взиманию единого сельскохозяйственного налога полностью в денежной форме и резкое повышение общей суммы налогового задания для Чувашской автономной области. Рассматриваются вопросы о причинах и степени тяжести налогообложения для крестьянства Чувашии, методах ликвидации недоимок.

Ключевые слова: крестьянство, Чувашия, налоговая политика, единый сельскохозяйственный налог.

Период новой экономической политики сопровождался непрерывными изменениями в налоговой сфере, причем в наибольшей степени они касались проведения сельскохозяйственного налога. В ряду этих изменений налоговая кампания 1924/25 г. занимает особое место. Во-первых, сельхозналог стал исчисляться в золотых рублях и взиматься полностью деньгами. В начале же 1920-х годов продовольственный налог взимался исключительно натурой, а в 1923/24 г. натурой в Чувашии подлежало уплатить 50% налога¹. Во-вторых, по средней величине налога, приходившейся на крестьянское хозяйство и на едока, кампания 1924/25 г. была наиболее тяжелой за все десятилетие. Для сравнения: в 1924/25 г. на одно хозяйство приходилось в среднем 8,01 руб. налога, на одного едока – 1,65 руб., тогда как в 1923/24 г. – 5,42 и 1,09 руб. соответственно, в 1925/26 г. – 4,49 и 0,94 руб., в 1926/27 г. – 2,49 и 0,51 руб., в 1927/28 г. – 1,87 и 0,39 руб., в 1928/29 г. – 3,33 и 0,68 руб.² Тем не менее, несмотря на важность изучения налоговой кампании 1924/25 г. для понимания финансовой политики советского государства в период нэпа, данная тема не становилась предметом специального рассмотрения. В историографии вопроса по сути можно выделить лишь несколько публикаций: вскользь история налогообложения крестьянства Чувашии в середине 1920-х годов затронута в монографиях В.В. Орлова и Е.К. Минеевой; в летописи «История финансов Чувашии» приведен ряд официальных документов отчетного и директивного характера, в том числе ранее проходивших под грифом «секретно»³.

Важнейшим новшеством при проведении сельхозналоговой кампании 1924/25 г., несомненно, стал переход к взиманию налога в денежной форме. Эта трансформация оправдывалась

тем, что натуральное обложение ограничивало хозяйственную свободу крестьян, способствовало сохранению потребительского характера крестьянского хозяйства. В связи с высокими накладными расходами по доставке на сыпные пункты, иногда весьма отдаленные, натуральный налог был обременителен для населения. Из-за различных издержек (порча зерна, его утечка с телег во время перевозки, оплата деятельности агентов Чувашского областного комиссариата продовольствия и др.) организация взимания продналога поглощала до 25% его суммы⁴. Целесообразность перехода к денежному обложению объяснялась также восстановлением товарно-денежных отношений в стране, стабилизацией рубля в результате денежной реформы, постепенным выходом сельского хозяйства из состояния разрухи. Хотя крестьянство имело право ограничиться оплатой деньгами до половины суммы налога, уже в 1923 г. денежные платежи составили в РСФСР 77,8% всех поступлений по налогу⁵ (в Чувашии из поступившего к 15 октября 1923 г. налога лишь 9,8% было внесено натурой и 20,8% – облигациями хлебного займа, тогда как деньгами – 69,4%; однако осенью 1923 г. стали проводиться специальные меры, чтобы повысить поступление налога натурой: запрещалось вносить всю сумму налога сразу, неоднократно повышался денежный эквивалент пударжи – в результате в 1923/24 окладном году деньгами было уплачено 47,2% суммы налога⁶). Учтя эти обстоятельства и имея в виду предстоявшее завершение денежной реформы, советское правительство, руководствуясь решениями XIII партийной конференции, постановило прекратить с 1924 г. обложение в натуральной форме и перейти исключительно к денежным налогам⁷.

Несмотря на очевидную прогрессивность, переход к денежной форме сельхозналога лег дополнительным бременем на часть крестьянства Чувашии. Особенно тяжело пришлось на-

Касимов Евгений Витальевич, кандидат исторических наук, докторант кафедры отечественной и региональной истории. E-mail: kasimov-evg@yandex.ru

селению Батыревского уезда, которое в предшествующем году внесло натурой 63,3% причитающейся с него суммы сельхозналога (для сравнения: Цивильский уезд – 35,6%, Ядринский – 15,5%, Чебоксарский – 1,7% суммы налога)⁸. Подобная обременительность нового порядка обложения в первую очередь была вызвана неудовлетворительным состоянием организации государственных закупок хлеба. Хлебозаготовительные организации распределялись по области неравномерно, действовали главным образом на железнодорожных станциях. Например, в г. Канаше (Цивильский уезд), являвшемся в то время крупнейшим транспортным узлом Чувашской автономной области, хлеб закупали восемь организаций, а в самом уездном центре – Цивильске – не было ни одного хлебозаготовительного пункта. Аналогичная ситуация наблюдалась в Батыревском уезде, где центром хлебозаготовок являлась станция Ибреси. Безлошадные крестьяне, жившие далеко от заготовительных пунктов, вынуждены были для уплаты сельхозналога продавать хлеб спекулянтам по низким ценам. В начале налоговой кампании цены на рожь опустились до 30-40 коп. за пуд. Так, даже конторы акционерного общества «Хлебопродукт» на станциях Ибреси и Канаш закупали хлеб по цене от 40 до 45 коп. за пуд ржи. Лимитная цена на рожь составляла в то время 57 коп. Но и последняя была крайне низкой. Сами крестьяне сносной ценой, при которой можно было бы без особых усилий уплатить налог, называли 90 коп.-1 руб. за пуд ржи. Чувашский облисполком, также находя лимитную цену низкой, обращался с ходатайством в Москву о повышении лимита хотя бы до 90 коп., однако результатов эта просьба не дала⁹.

Помимо ценового фактора продавать хлеб частным торговцам побуждало крестьян и то обстоятельство, что в отличие от государственных и кооперативных органов торговцы не обращали особого внимания на кондиционность зерна. Поэтому нередко наблюдались случаи, когда крестьяне предпочитали везти хлеб на продажу к частным торговцам, даже если те устанавливали цены ниже государственных органов¹⁰.

Еще одним новшеством в системе единого сельскохозяйственного налога на 1924/25 г. являлось введение порайонных ставок налога вместо прежних, единых для всей страны. Ставки устанавливались путем деления общей суммы налога, причитавшегося с хозяйств данного района, на количество учтенных объектов обложения. В качестве объекта обложения по-прежнему принимались внешние показатели мощности хозяйств – размеры пахотной и сенокосной земли, количество рабочего и крупного рогатого скота. Разверстка налога между районами основывалась на определении условно-чистого дохода (валовая

продукция без расходов на корм и семена) в соответствии с порайонными нормами доходности. Включение в число облагаемых объектов взрослого рабочего и крупного рогатого скота, ранее учитывавшегося лишь как один из показателей мощности крестьянского хозяйства, рассматривалось как еще один шаг к более точному подходу к обложению. В зависимости от приходившегося на едока количества облагаемых земли и скота, выраженных в десятинах пашни, были установлены три различные ставки с десятины: по первой, наименьшей, ставке облагалась первая полдесятины земли на едока в хозяйстве; по второй, средней, ставке облагался излишек сверх полдесятины до одной десятины на едока; по третьей, наивысшей, ставке облагался излишек сверх одной десятины на едока¹¹.

Чувашская АО была отнесена к одинаковой с Нижегородской губернией сетке по обеспеченности пашней и по коэффициенту скота, согласно которому доходность от лошади или коровы приравнивалась к доходности одной десятины пашни. Местное крестьянство повсеместно выражало недовольство таким обложением как несоответствующим действительности, подчеркивая, что содержание коровы и лошади получается весьма невыгодным и даже убыточным¹². Чувашский облисполком просил о понижении коэффициента скота и отнесении области по крайней мере к одной категории с Татарской АССР, определяя доходность лошади в 0,5, а коровы – в 0,35 десятины пашни. При этом в качестве аргумента приводились данные Казанского губернского земства за 1906-1912 гг. о том, что молочность коровы в Лаишевском, Свияжском, Чистопольском и других кантонах равнялась 80-120 пуд., тогда как в уездах Чувашского края – 25-35 пуд. в год¹³. Но, как и в случае с лимитной ценой, ходатайство оказалось безуспешным.

В 1924/25 окладном году существенно возросло количество льгот, предоставляемых по сельхозналогу. Малоземельные крестьянские хозяйства, не имевшие трудоспособных членов или облагаемого скота, подлежали полному освобождению от налога. Для других категорий бедняцких хозяйств предусматривалась возможность сложения части платежей¹⁴. Общая сумма скидок для маломощных хозяйств была повышена с 5% до 6,5% исчисленного по области налога с учетом надбавки на местные нужды (она равнялась 40% от суммы налога), которая вводилась взамен отмененных сельских и волостных сборов¹⁵. В целях поощрения развития животноводства действовали скидки с налога для хозяйств, имевших крупный рогатый скот. Вне зависимости от экономического состояния хозяйства и количества коров в нем с каждой головы скота снималась фиксированная сумма налога. Совсем не облагались быки-производители и жеребцы-

производители и племенной скот. Колхозам предоставлялась скидка в размере 25% с исчисленного на них налога; кооперативным хозяйствам, применявшим общественную обработку земли, – 10%. Эта льгота, стимулировавшая процесс производственного кооперирования крестьянства, в дальнейшем просуществовала без изменений вплоть до 1928 г., когда льготы для коллективного сектора были заметно расширены. Советские хозяйства, согласно законодательству, облагались по средней ставке налога на десятину облагаемой земли, исчисленной для индивидуальных хозяйств области или уезда¹⁶.

Контрольная цифра по сельхозналогу для Чувашской автономной области на 1924/25 г., подлежавшая безусловному выполнению, с учетом всех скидок, предусмотренных Положением о едином сельхозналоге и последующими постановлениями правительства, была установлена Наркоматом финансов РСФСР в размере 1,0 млн. руб. При этом центральное правительство частично удовлетворило ходатайство Чувашского облисполкома, понизив разряд обложения области¹⁷. По оценкам Наркомфина РСФСР, Чувашию следовало бы отнести к 5-му разряду обложения. Но, принимая во внимание необходимость предоставления «мелкой национальной республике» более льготных условий, совместная комиссия Наркомфина и Центрального статистического управления признала возможным назначить для Чувашии 3-й разряд обложения. Совнарком СССР установил в итоге 2-й разряд обложения. Благодаря этому размер налогового задания для области фактически сократился на 40%¹⁸.

Руководствуясь контрольными цифрами, местные финансовые органы исчислили сельхозналог на 1924/25 г. в сумме 1285,1 тыс. руб. Скидки с него составили в конечном итоге 214,0 тыс. руб., или 16,7%, в том числе: 84,1 тыс. руб. (6,5%) – маломощным хозяйствам; 76,9 тыс. руб. (6,0%) – на поощрение развития животноводства; 13,6 тыс. руб. (1,1%) – семьям красноармейцев и учащимся советско-партийных школ; 9,0 тыс. руб. (1,0%) – в фонд премирования за проведение агрокультурных мероприятий; 30,5 тыс. руб. (2,4%) – прочие скидки (коллективным хозяйствам, по стихийным бедствиям и др.)¹⁹. Правда, не всеми льготами население воспользовалось в полной мере. Для семей красноармейцев дополнительная льгота была введена в самом конце налоговой кампании, когда налог был уже собран на 96%. Переплаченная сумма подлежала возврату, но если осенью, для своевременной уплаты налога, хлеб продавался по 50-60 коп. за пуд, то весной цены на него были выше на 250-300%²⁰.

Тем не менее, несмотря на многообразие льгот, их все же оказалось недостаточно, чтобы провести кампанию взимания сельхозналога спокойно и без особого принуждения. Налог по-

ступал медленно, со значительными опозданиями и несоблюдением сроков уплаты. К 1 марта 1925 г., то есть к последнему сроку уплаты сельхозналога по области, поступление налога составило 89,2%. При этом, например, в Шемуршинском районе Батыревского уезда выполнение задания составило всего 62%²¹. В определенной степени невыполнение плановых показателей можно связать с реорганизацией налогового аппарата осенью 1924 г., в результате которой число налоговых районов по области уменьшилось с 14 до 8, а штат финансовых работников сократился на 35%²². Нельзя полностью игнорировать и сообщения Чувашского отдела ОГПУ тех лет, отмечавшего, что в отдельных районах автономии «население ежегодно умышленно оттягивает выплату налога, надеясь на снятие или снижение нормы»²³. И все же главной причиной неполного внесения налоговых платежей являлась, без сомнения, маломощность местного крестьянства, что признавалось и властными структурами автономии. Так, в сводке ОГПУ от 21 февраля 1925 г. говорилось, что «маломощное крестьянство при всем желании внести причитающуюся с них сумму налога к установленным срокам не может»²⁴. К тому же ситуация усугублялась рядом объективных факторов. В частности, в связи с недородом 1924 года население многих селений Батыревского уезда не имело своего хлеба уже к концу года, вследствие чего было вынуждено закупать хлеб для личных потребностей на рынке. В сводках ОГПУ приводится немало высказываний самих крестьян о том, что они понимают необходимость уплаты налога, но не могут этого сделать исключительно в силу экономического положения.

Тяжесть сельхозналога для крестьянского хозяйства возрастала и в связи с естественным падением цен на хлеб в осенние месяцы, в чем сельское население часто обвиняло партийное и советское руководство страны: «Советская власть умышленно понизила цену на хлеб во время сбора сельхозналога. Для уплаты налога мы распродали весь хлеб, а теперь остались сами без хлеба. По окончании налоговой кампании цены на хлеб стали быстро повышаться, и в отношении этого власть теперь не принимает никаких мер. Кулаки, у которых имеется большой запас хлеба, теперь наживаются, а мы, бедняки, вынуждены сидеть впроголодь или распродавать последнее имущество и скот»²⁵. В подтверждение справедливости этих слов можно привести секретное циркулярное письмо ВЦИК РСФСР от 6 октября 1924 г., в котором говорилось: «Чрезмерно высокие хлебные цены привели бы к увеличению заработной платы и вздорожанию промтоваров. И то и другое создало бы серьезную угрозу для дела завершения денежной реформы и оздоровления промышленности. По-

ступления единого сельскохозяйственного налога должны сыграть крупную роль в доходной части бюджета первого квартала и в деле регулирования хлебного рынка. Форсирование взимания единого налога должно вызвать усиленное предложение хлеба на рынке, а следовательно, и приведет к понижению хлебных цен там, где эти цены обогнали нормальные цены»²⁶.

Недовольство населения в ходе проведения налоговой кампании усугублялось тем обстоятельством, что для основной массы крестьян продажа части урожая была единственным реальным способом уплатить налог. Дело в том, что в пределах Чувашии работу в 1920-е годы найти было очень трудно, так как большинство лесопильных заводов простаивало, а другие виды промышленности в области не были развиты. В этом население также обвиняло новую власть, утверждая, что при самодержавии промышленные предприятия работали успешно²⁷. Но даже если удавалось найти временную работу, крестьяне-сезонники сталкивались с многочисленными фактами длительных задержек заработной платы. Недовольное ситуацией, при которой «день работаешь, месяц за получкой ходишь», население справедливо возмущалось: «За несвоевременную сдачу налога накладывают пени, штрафы и проч. и превосходно это с нас сдирают. А мы, если работаем на госпредприятиях, ждем своего заработка по несколько месяцев, и требовать с них неустойку за это не имеешь права. Если говоришь налоговому инспектору, что сельхозналог платить нечем, не получил еще заработка от завода и что по получении в первую очередь расплачусь, он и слушать не хочет, а тут же накладывают пени или штраф. Это обман со стороны государства»²⁸.

В последнем случае крестьяне недаром акцентировали внимание на жестких методах взыскания сельхозналога. В 1924/25 окладном году меры административного взыскания (опись имущества, наложение пени и штрафов) применялись нередко. Так, только по официальным данным Наркомфина Чувашской АССР (в 1925 г., после преобразования области в республику, вместо финансового отдела был создан наркомат финансов), подобные меры в ходе кампании были применены к 3082 налогоплательщикам, из них 1421 оштрафован на сумму 4,2 тыс. руб.²⁹ Особо следует отметить, как накладывались штрафы. К примеру, лишь за первую половину февраля 1925 г. в Батыревском уезде, по данным уездного уполномоченного Чувашского отдела ОГПУ, было зарегистрировано 9 случаев наложения кабальной пени: на одного из крестьян д. Старые Айбеси (здесь и далее – Тархановской волости) за недоимку в 1 копейку было наложено 7 руб., на двух граждан с. Арабузи за недоимку в 3-7 коп. – по 3 рубля, на жителей д. Новые

Выселки за 1 коп. – 3 рубля, за 2 коп. – 5 руб. и т.д. Наибольшая распространенность подобных фактов в Батыревском уезде вызывалась тем, что он в минувшем году, по сравнению с другими районами Чувашии, сильнее пострадал от засухи и сельскохозяйственных вредителей. Выражая массовое недовольство начислением пени за несвоевременное внесение налога, крестьяне высказывались, что такой метод не применялся даже при самодержавии³⁰.

Поскольку подобный произвол с наложением пени на вполне «законном основании» получил широкое распространение не только на территории Чувашской автономной области, ЦИК и СНК СССР постановлением от 3 июля 1925 г. запретили наложение штрафов в административном порядке за нарушение правил, установленных «Положением о едином сельскохозяйственном налоге»³¹.

Другой распространенной практикой принуждения к уплате налога были опись и изъятие имущества. Например, в январе 1925 г. на общем собрании граждан д. Будаика Чебоксарской волости и уезда население выражало возмущение тем, что, если «не сможешь вовремя уплатить налог, начислят пени в непосильном размере или отнимают последний самовар», утверждая, что «теперь наши бабы, как только попьют чаю, так самовар скорее прячут на дворе в сено»³². Тем не менее до самого изъятия имущества и его продажи дело в большинстве случаев не доходило. Так, в Цивильском уезде в ходе кампании по взиманию единого сельхозналога было произведено 900 описей имущества, однако торги состоялись лишь в 3 случаях, поскольку остальные налогоплательщики предпочли внести причитающиеся с них платежи до проведения торгов³³.

Благодаря принятым мерам, в том числе прямому административному нажиму на крестьянство, налоговая кампания была проведена в целом успешно, сумма собранного налога к моменту официального срока завершения кампании составила 1046,0 тыс. руб., то есть контрольная цифра центрального правительства в 1,0 млн руб. была несколько перевыполнена. В то же время с учетом 20,0 тыс. руб., подлежавших возврату налогоплательщикам как неправильно уплаченная сумма, недоимка по исчисленному налогу составила более 45,0 тыс. руб. (3,5% от общей суммы налога). К осени 1925 г. более половины суммы недоимки (25,1 тыс. руб.) было сложено ввиду маломощности налогоплательщиков³⁴.

Изучение вопроса о проведении налоговой кампании 1924/25 г. на территории Чувашии приводит к выводу о том, что налоговая политика советского правительства в середине 1920-х годов была реально направлена на создание возможностей для быстрого восстановления производительных сил в сельском хозяйстве. С этой целью

устанавливались налоговые льготы в отношении маломощных крестьянских хозяйств, владельцев крупного рогатого и племенного скота, поощрялись проведение прогрессивных агрокультурных мероприятий и переход к коллективному труду. При этом еще не ставились препоны к дальнейшему экономическому росту крепких середняцких и зажиточных хозяйств. Крестьянство Чувашской АО являлось преимущественно маломощным, и налоговые платежи, несомненно, ложились на него большим бременем. Однако тяжесть налога обуславливалась не налоговыми ставками как таковыми, а низкими ценами на сельхозпродукцию, отсутствием у крестьянства возможностей для подсобных заработков, общей бедностью разоренного войнами и голодом крестьянского хозяйства, гибелью урожая от непогоды и сельскохозяйственных вредителей. В результате за налогоплательщиками накапливались недоимки, которые, в зависимости от имущественного положения домохозяев, ликвидировались посредством применения судебных и административных мер или, напротив, полностью слагались. Тем самым правительству удавалось поддерживать баланс между экономической целесообразностью и идеологическими установками правящей коммунистической партии. Укрепление советской власти во второй половине 1920-х годов способствовало усилению узкокласовой направленности всей аграрной политики, из-за чего данный баланс будет нарушен.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Сборник декретов и постановлений законодательных органов РСФСР и СССР, изданных о Чувашской АССР, за 10 лет (с 24 июня 1920 г. по 24 июня 1930 г.) / Сост. И.И. Данилов. Чебоксары, 1930. С.62-63.
- ² Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. Р-18. Оп.1. Д.5. Л.4-5; Д.392. Л.25 об.; Отчет правительства Чувашской Автономной Советской Социалистической Республики за 1926-27 и 1927-28 годы. Чебоксары, 1929. С.64.
- ³ История финансов Чувашии. Т.1. 1920-1939 / Сост. А.В. Выйкин. Чебоксары, 2006; *Минеева Е.К.* Становление Марийской, Мордовской и Чувашской АССР как на-

ционально-территориальных автономий (1920-1930-е годы). Чебоксары, 2009; *Орлов В.В.* Этнополитические и социально-экономические аспекты развития Чувашии в 20-е годы XX века. М., 2009.

- ⁴ ГИА ЧР. Ф. Р-18. Оп.1. Д.348. Л.12.
- ⁵ *Дьяченко В.П.* История финансов СССР (1917-1950 гг.). М., 1978. С.122.
- ⁶ Государственный архив современной истории Чувашской Республики (ГАСИ ЧР). Ф. П-1. Оп.4. Д.21. Л.31, 46-47 об.; ГИА ЧР. Ф. Р-125. Оп.2. Д.80. Л.87.
- ⁷ КПСС в резолюциях и решениях... Т.3. С.172; СУ РСФСР. 1924. №58. Ст.570.
- ⁸ ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп.4. Д.21. Л.31.
- ⁹ ГИА ЧР. Ф. Р-125. Оп.1. Д.27. Л.9 об.-10; Оп.4. Д.43. Л.777.
- ¹⁰ ГИА ЧР. Ф. Р-125. Оп.4. Д.43. Л.767.
- ¹¹ Сборник обязательных постановлений президиума Исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Автономной Чувашской области. Чебоксары, 1924. С.101.
- ¹² ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп.5. Д.25. Л.128; Оп.6. Д.35. Л.34.
- ¹³ История финансов Чувашии. Т.1. С.90, 92.
- ¹⁴ Сборник обязательных постановлений президиума Исполнительного комитета Советов... С.104-105.
- ¹⁵ ГИА ЧР. Ф. Р-18. Оп.1. Д.46. Л.10 об.
- ¹⁶ Средняя ставка по области или уезду определялась делением общей суммы налога с единоличных хозяйств на общее количество облагаемых десятин земли.
- ¹⁷ История финансов Чувашии. Т.1. С.82, 84.
- ¹⁸ *Орлов В.В.* Этнополитические и социально-экономические аспекты... С.212.
- ¹⁹ Отчет Исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов АЧССР за 1924/25 год. Чебоксары, 1925. С.13.
- ²⁰ ГИА ЧР. Ф. Р-62. Оп.1. Д.590. Л.392 об.
- ²¹ ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп.5. Д.25. Л.109-110.
- ²² История финансов Чувашии. Т.1. С.85.
- ²³ ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп.5. Д.25. Л.110.
- ²⁴ Там же. Л.101 об., 110.
- ²⁵ ГИА ЧР. Ф. Р-125. Оп.4. Д.89. Л.40.
- ²⁶ История финансов Чувашии. Т.1. С.79.
- ²⁷ ГИА ЧР. Ф. Р-125. Оп.4. Д.89. Л.37.
- ²⁸ Там же. Л.36-37, 42.
- ²⁹ Отчет Исполнительного комитета Советов... С.13.
- ³⁰ ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп.5. Д.25. Л.101 об.
- ³¹ Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР, издаваемое Управлением делами Совета Народных Комиссаров Союза ССР и СТО (СЗ СССР). 1925. №42. Ст.317.
- ³² ГИА ЧР. Ф. Р-125. Оп.4. Д.89. Л.41.
- ³³ Отчетный доклад о деятельности Цивильского уездного исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Автономной Чувашской Социалистической Советской Республики XII созыва за 1924-1925 год. Цивильск, 1925. С.37.
- ³⁴ Отчет Исполнительного комитета Советов... С.13-14.

AGRICULTURAL TAX CAMPAIGN OF 1924/25 ECONOMIC YEAR IN THE CHUVASH AUTONOMOUS REGION

© 2011 E.V. Kasimov

Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary

The author analyses how the transition to collecting the single agricultural tax completely in the monetary form and the sharp increase in the tax plan for the Chuvash autonomous region influenced the course of the 1924/25 tax campaign. The author also discusses reasons and heaviness of the tax burden for the peasantry of Chuvashia as well as methods used to liquidate back taxes.

Key words: peasantry, Chuvashia, tax policy, single agricultural tax.

*Eugeny Casimov, Candidate of History, Doctoral Student,
Russian and Regional History Department.
E-mail: kasimov-evg@yandex.ru*